К. Военскій.

ДВѢ БЕСѢДЫ

полковника Мишо

съ Императоромъ Александромъ

въ 1812 году.

Изъ документовъ Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1907.

Одинъ изъ сподвижниковъ Императора Александра въ эпоху знаменательной борьбы его съ Наполеономъ, графъ Александръ Францовичъ Мишо-де-Боретуръ, принадлежалъ къ древнему дворянскому роду въ Савойѣ. Служебное свое поприще Мишо началъ офицеромъ сардинскихъ войскъ, съ которыми сражался противъ французовъ въ 1792—1796 годахъ. Когда Пьемонтъ занятъ былъ французской арміей, къ которой присоединены были сардинскія войска, а Король вынужденъ былъ удалиться на о-въ Сардинію, Мишо покинулъ отечество и перешелъ на русскую службу, куда принятъ былъ капитаномъ въ инженерный корпусъ. Въ 1806 году, подъ начальствомъ Сенявина, онъ участвуетъ въ Адріатической экспедиціи противъ французовъ при осадѣ Бокка-ди-Каттаро и въ томъ же году переводится въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части. Въ 1810 году, въ турецкую войну, отличается при взятіи Туртукая и награждается орденомъ св. Георгія

4-й ст., а въ слѣдующемъ 1811 году, за штурмъ Ловчи, производится въ полковники. Въ отечественную войну 1812 года, состоя въ 1-й западной арміи, при Барклаѣ, доказываетъ со всею очевидностью Императору Александру невыгодность Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря въ стратегическомъ отношеніи и всю опасность этой позиціи для русской арміи, въ случаѣ принятія здѣсь сраженія. Вслѣдъ за этимъ, Государь поручилъ ему, совмѣстно съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Чернышевымъ, избрать мѣсто для укрѣпленныхъ лагерей въ окрестностяхъ Москвы, а послѣ своего пріѣзда въ древнюю столицу, командируетъ его, вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Кикинымъ, для устройства укрѣпленныхъ лагерей на берега Волги для прикрытія Нижняго и Казани.

Исполнивъ возложенное на него порученіе, Мишо вернулся въ Петербургъ и представилъ свой рапортъ Государю, который отправилъ его въ распоряженіе главнокомандующаго. Кутузовъ вскорѣ оцѣнилъ этого способнаго офицера, приблизилъ его къ себѣ и сталъ давать ему разныя порученія, требовавшія особеннаго такта. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести отнынѣ историческую миссію, возложенную Куту-

зовымъ на Мишо—сообщить Императору Александру печальное извѣстіе объ оставленіи Москвы русской арміей.

Свое свиданіе съ Государемъ и знаменательный разговоръ, происшедшій 8-го сентября 1812 года во дворцѣ на Каменномъ островѣ, гдѣ въ то время находился Императоръ, Мишо подробно описалъ въ приводимомъ ниже письмѣ къ Михайловскому-Данилевскому. Въ этой исторической бесѣдѣ, въ которой для насъ драгоцѣнно каждое слово, каждый жестъ Государя, наглядно выступаетъ вся духовная мощь Александра, вся глубокая вѣра его въ своихъ подданныхъ, въ несокрушимостъ Россіи, какъ государства. При потрясающемъ извѣстіи о паденіи древней столицы онъ не только не теряетъ мужества, но принимаетъ твердое рѣшеніе бороться до послѣдней крайности и даетъ торжественное обѣщаніе испытать всѣ средства борьбы, но не подписать позорнаго для Россіи мира.

Второе свиданіе Мишо съ Государемъ произошло 15-го октября въ Петербургѣ, куда онъ снова присланъ былъ Кутузовымъ, на этотъ разъ съ радостнымъ извѣстіемъ о Тарутинской побѣдѣ и начатіи нами наступательной войны. Въ этой второй бесѣдѣ, на слова Мишо о томъ, что

присутствіе Государя осчастливитъ войска, особенно если онъ лично приметъ начальствованіе надъ ними, Александръ далъ отвѣтъ, въ которомъ высказалось все величіе его души. Со скромностью, свойственной высокимъ натурамъ, онъ отклоняетъ это предложеніе, льстящее его честолюбію, сознается, что „мало опытенъ въ военномъ искусствѣ“ и предоставляетъ всю славу тому, кто болѣе его достоинъ ея, т. е. Кутузову.

Достойно замѣчанія, что выборъ Мишо для принесенія извѣстія о побѣдѣ былъ сдѣланъ самимъ Государемъ, который 14-го сентября писалъ Кутузову: „Извѣстный ревностною службою полковникъ Мишо былъ присланъ съ печальнымъ извѣстіемъ о впущеніи непріятеля въ первопрестольный градъ Москву. Грусть сего достойнаго офицера быть вручителемъ подобнаго донесенія была очевидна. Я нахожу справедливымъ, въ утѣшеніе ему, предписать вамъ прислать его съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ, послѣ его пріѣзда послѣдующимъ“.

Послѣ Тарутинской побѣды Мишо принимаетъ участіе во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ побѣдоносной русской арміи, преслѣдовавшей Наполеона до самой границы имперіи, а затѣмъ и въ кампаніяхъ 1813—1814 годовъ. За свои выдающіяся заслуги, не задолго до Лейпциг-

ской битвы, онъ производится въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ 1814 г.— получаетъ званіе генералъ-адъютанта.

Вступивъ въ Парижъ при побѣдныхъ кликахъ и восторженныхъ привѣтствіяхъ народа, Александръ отправляетъ отсюда Мишо къ Сардинскому Королю съ радостнымъ для послѣдняго извѣстіемъ о присоединеніи Пьемонта къ Сардиніи и порученіемъ сопровождать Короля изъ Кальяри въ Туринъ. Король Викторъ-Эммануилъ возвелъ Мишо въ графское достоинство Сардинскаго королевства, а впослѣдствіи, въ 1839 г., Король Карлъ-Альбертъ присоединилъ къ этому титулу наименованіе де-Боретуръ (de Beau-retour). Послѣ похода 1815 года, Мишо было отведено помѣщеніе въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ онъ продолжалъ пользоваться самыми лестными знаками Монаршаго вниманія, которое продолжалось и при Императорѣ Николаѣ I. Въ 1826 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1841 г. въ генералы-отъ-инфантеріи. Послѣдніе годы жилъ онъ въ Италіи и въ 1841 г. скончался въ Палермо.

Въ бытность свою въ Петербургѣ Мишо часто видѣлся и бесѣдовалъ съ будущимъ историкомъ отечественной войны Михайловскимъ-Данилевскимъ, въ то время еще полковникомъ и флигель-адъютантомъ. Благодаря настойчивымъ

просьбамъ послѣдняго, онъ изложилъ свои двѣ бесѣды съ Александромъ въ письмѣ къ Данилевскому, которое мы и приводимъ здѣсь въ русскомъ переводѣ. Послѣ смерти Мишо, въ 1844 г., использовавъ этотъ документъ для своей исторіи, Данилевскій передалъ его тогдашнему военному министру князю Чернышеву и, съ разрѣшенія Императора Николая, просматривавшаго его, напечаталъ его въ сокращенномъ видѣ, въ 1845 году, въ литературномъ сборникѣ «Новоселье», въ статьѣ подъ заглавіемъ «Черты изъ жизни Императора Александра». Нѣсколько подробнѣе, хотя тоже въ извлеченіи, покойный историкъ Шильдеръ помѣстилъ это письмо въ октябрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1893 годъ.

Считая письмо это историческимъ документомъ первостепенной важности, какъ показаніе самого лица, бесѣдовавшаго съ Императоромъ Александромъ, мы приводимъ теперь *полный текстъ французскаго подлинника*, хранящагося въ дѣлахъ Военно-ученаго архива, съ русскимъ его переводомъ, *безъ всякихъ сокращеній и пропусковъ*, и какъ поясненіе къ нему, подлинный рапортъ Михайловскаго-Данилевскаго къ князю Чернышеву отъ 20-го марта 1844 года.

К. Военскій.

Рапортъ генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго военному министру генералъ-адъютанту князю Чернышеву 20-го марта 1844 года.

Къ числу безсмертныхъ страницъ исторіи Императора Александра принадлежатъ тѣ, на которыхъ изображена великость души Его послѣ паденія Москвы.

Вашему сіятельству извѣстно, что съ донесеніемъ о семъ событіи былъ посланъ къ покойному Государю полковникъ Мишо. Часто пересказывалъ онъ намъ разговоръ свой съ Императоромъ. Замѣчая г-ну Мишо, что высокія чувства Монарха погибнутъ для потомства, или со временемъ будутъ искажены, если онъ не положитъ ихъ на бумагу, я убѣждалъ его записать слышанныя имъ отъ Государя слова. Вслѣдствіе того онъ прислалъ мнѣ письмо съ подробнымъ описаніемъ разговора, происходившаго на Каменномъ острову.

По великой важности сего документа онъ не можетъ оставаться собственностью частнаго человѣка, но долженъ на вѣчныя времена храниться въ государственныхъ архивахъ, или, положенный въ ковчегъ, находиться подъ бюстомъ Императора Александра. По симъ причинамъ осмѣливаюсь представить вашему сіятельству письмо ко мнѣ генералъ-адъютанта графа Мишо.

Ген.-лейт. *Михайловскій-Данилевскій.*

Lettre du général — Aide-de camp comte Michaud au Colonel Aide-de-Camp Michailoffsky-Danileffsky en date du 30 Juillet 1819.

Mon cher Colonel! Après l'entretien que nous eûmes l'autre soir sur les événements de la guerre de Russie, je crois vous faire plaisir, cher Colonel, en vous faisant connaître quelques ordres que j'ai eu l'honeur de reçevoir de S. M. notre très gracieux Souverain au commencement de la campagne et quelques petits entretiens, dont Il a bien voulu m'honorer huit jours après l'abandon de Moscou et lorcequ'on Lui apporta la nouvelle de notre victoire de Taroutina. Ils devraient faire époque dans l'histoire par la connaissance qu'ils donnent du caractère, de la force d'âme et du bon coeur de ce Souverain, qui a été bien mal jugé par tous ceux qui l'ont cru au moment de conclure la paix après la perte de Moscou.

Le lendemain de l'abandon du camp de Driza S. M. m'envoya avec Son Aide-de-Camp le G-al Cernizeff, alors Colonel, pour aller choisir des positions propres à couvrir Moscou par des camps retranchés, à grands profils, qui fussent à même de servir comme autant de places en état

de recevoir les magazins, qu'on rassemblait de toute part, l'artillerie, les munitions de guerre, les recrues, qui, en les deffendant, au besoin devaient trouver en eux des places d'armes propres à leur instruction, comme l'armée des points d'appui pour livrer des batailles; me prévenant en même temps que si nous n'avions pas le temps de les construire pour la défence de Moscou, Il m'aurait envoyé les tracer sur le Volga et plus loin s'il le fallait, „car", „ajouta-t-il, si jamais la fortune voulut éprouver Ma constance, J'ai encore derrière moi beacoup de ressources et assez de terrain pour amener l'ennemi bien loin".

A Son arrivée à Moscou *) jugeant par les progrès de l'ennemi, qu'on ne serait plus à temps d'achever les camps projettés qui exigeaient quatre ou cinq mois de travail, S. M. m'ordonna de me rendre à Nijne-Novgorod sur le Volga et de les y établir de manière à couvrir Nijne et Cazan qui contenait un immence arsenal, et abritter ainsi les cent milles

---

*) Vous n'ignorez pas, mon cher Danileffskit l'effet qu'elle produisit sur le coeur de Ses sujets, si l'ennemi avait pu en être témoin, il aurai; jugé mieux votre nation que ne le faisaient les bulletins de Paris et aurait eu une juste idée du véritable amour des sujets envers un Souverain qui sait se les affectionner.

recrues qui s'organisaient sur ce point sous les ordres du G-al Comte Tolstoi pour avoir par ce moyen la grande armée libre d'ajir sur la ligne d'opération qui conviendrait mieux aux circonstances, sans avoir à craindre d'une invasion sur le Volga.

Le Colonel Aide-de Camp Cernizeff, ayant du suivre Sa Majesté en Finlande, fut remplacé par le Colonel Kikin de l'Etat-Major, qui m'ayant remis les ordres de S. M. se mit en voyage avec moi. Nous fimes ensemble la reconnaissance du terrain et après avoir visité les bords du Volga et de l'Oka, j'allais présenter mon rapport à S. M. à St.-Pétersbourg, où Elle arriva le même jour venant de Habo (Abo?) Elle m'ordonna de suite de me rendre à l'armée pour informer le Maréchal de tout ce que j'avais pu observer dans ma reconnaissance, par lequel, me dit Il, Il allait me faire connaître Ses intentions *).

Vous voyez, cher Colonel, par tout ce que vous venez de lire, que les intentions de notre Auguste Maître étaient de tout sacrifier pour la gloire et le bonheur de Ses sujets, bien loin d'avoir la pensée de capituler avec Ses ennemis,

*) Sa Majesté me fit donner plusieurs milliers de roubles pour le voyage dont j'allais encore être chargé.

qui ravageaient impitoyablement Ses états (en peuples civilisés à la française). Je vais encore vous en donner des preuves bien plus convainquantes.

Vous n'ignorez pas que je fus envoyé à St.-Pétersbourg par le Maréchal Koutouzoff, le troisième jour de mon arrivée à son quartier-général, pour porter la nouvelle à Sa Majesté de l'abandon de Moscou, dont les flammes éclairèrent malheureusement ma route jusqu'au delà de Volodimir. Jamais voyageur n'a eu le coeur plus sensiblement touché que le mien l'a été dans cette occasion. Russe de coeur et d'âme, quoiqu' étranger, porteur au meilleur des Souverains d'une des plus tristes nouvelles, traversant un pays au milieu d'un demi-million et plus d'habitans de toutes classes, qui émigraient n'emportant avec eux que des femmes, des enfants, l'espoir de venger leur patrie et un dévouement sans bornes pour leur adoré Souverain; frappé tour-à-tour par la douleur de tout ce que je voyais, et par la joie de tout ce que j'entendais autour de moi de l'enthousiasme national, —j'arrivais le 8 au matin à la Capitale, tout plein de chagrin pour les tristes nouvelles que j'allais donner. Admis à l'instant par Sa Majesté dans Son cabinet, l'Empereur jugea d'abord par mon air que je n'avais rien de consolant à

Lui apprendre. — „M'apportez vous de tristes nouvelles, Colonel?" - -me dit - Il —„Malhereuusement bien tristes, Sir"— Lui répondis-je—„l'abandon de Moscou„. —„Quoi! Avons-nous perdu une bataille? Aurait-on livré Mon ancienne Capitale sans se battre?" — Sir, les environs de Moscou n'offrant malheureusement aucune position propre à pouvoir hazarder un combat avec des forces inférieures, le Maréchal Koutouzoff a cru bien faire en conservant à Votre Majésté une armée dont la perte, sans sauver Moscou, aurait pu être de la plus grande conséquence, et qui par les renforts, que V. M. vient de lui procurer et que j'ai rencontrés de toutes parts, se verra bientôt à même de reprendre l'offensive et faire répentir l'ennemi d'avoir ôsé pénétrer dans le coeur de Ses états".— „L'ennemi est-il entré en ville? - Oui sir, et elle est en cendres à l'heure qu'il est... je l'ai laissé toute en flammes".

À ces mots les larmes coulèrent de Ses yeux à ne pouvoir les distinguer.— „Grand Dieu! Que de malheurs! Que de tristes nouvelles vous Me donnez, Colonel!.."—„Ne Vous chagrinez pas, Sir,"— lui répétais-je, ému par le chagrin, dans lequel je Le voyais. — „Votre armée se renforce à chaque moment..."

—„Je vois, Colonel (en m'interrompant), Je vois par tout ce qui nous arrive que la

Providence éxige de grands sacrifices de nous, et de Moi partitculièrement; Je suis pret à me soumetre à toutes ses volontés... mais dites Moi, Michaud, comment avez vous laissé l'esprit de l'armée en voyant abandonner ainsi Mon ancienne Capitale sans coup férir? Est-ce-que cela n'a pas trop influé sur le moral du soldat? N'avez vous pas remarqué, aperçu du découragement?"

— „Sir, me permettez Vous (Lui répondis-je) de Vous parler avec franchise, en loyal militaire?"

— „Je l'exige toujours, Colonel (reprit le Souverain), mais dans ce moment surtout, Je vous prie, ne me cachez rien, dites moi franchement ce qu'il en est".

— „Sir, le coeur m'en seigne, mais je dois Vous avouer, que j'ai laissé toute l'armée, depuis le Chef jusqu'au dernier soldat dans une crainte épouventable, effrayante..."

— Que Me dites vous, Michaud? Comment-ça (reprit le Souverain) d'où peuvent naître ces craintes? Mes Russes se laisseraient-ils abattre par le malheur?.."

— „Jamais, Sir, Ils craignent seulement que Votre Majesté par bonté de coeur ne se laisse persuader de faire la paix; ils ne brulent que de combattre et de Vous prouver par leur courage et par

le sacrifice de leur vie combien ils Vous sont dévoués...“

— „Ah, Colonel, vous soulagez Mon coeur (en frappant de Sa main sur mon épaule) vous Me tranquillisez. En bien, retournez à l'armée, dites à nos braves, dites à Mes bons sujets, partout où vous passerez, que quand Je n'aurai plus aucun soldat, Je me metterai moi même à la tête de Ma chère noblesse et de Mes braves paysans et J'userai ainsi jusqu'à la dernière ressource de Mon Empire (il m'en offre encore plus que Mes ennemis ne pensent); mais si jamais il fut écrit dans les décrets de la Divine Providence que Ma Dynastie doive cesser de régner sur le trône de Mes Ancêtres, alors, après avoir usé tous les moyens qui seront en Mon pouvoir, je Me laisserai croitre la barbe jusqu'jci (en portant Sa main sur Sa poitrine) et J'irai manger des pommes-de-terre avec le dernier de Mes paysans au fond de la Sibérie plutôt que de signer la honte de ma patrie et de mes bons sujets dont je sais apprécier les sacrifices qu'ils me font. La Providence nous éprouve, espérons qu'elle ne nous abandonnera pas“.

Puis allant jusqu'au fond de Son cabinet et revenant à grands pas le visage tout enflammé, serrant de Sa main mon bras:

—„ Colonel Michaud, n'oubliez pas ce que Je vous dis ici; peut-être un jour nous nous en rappellerons avec plaisir: Napoléon ou moi, ou lui ou moi—nous ne pouvons plus regner ensemle! J'ai appris à le connaître... il ne me trompe plus„!..

Il ne m'est pas donné, mon cher Danileffsky, de vous peindre ici quel était l'état de mon âme en voyant le feu qui étincelait des yeux de Sa Majesté et en pensant au bonheur que j'allais porter à l'armée. C'était bien parmi tous les renforts que S. M. lui envoyait—le plus puissant pour en redoubler le courage; aussi Lui répondis-je le coeur enthousiasmé de tout ce que je venais d'entendre:

—„Sir, Votre Majesté signe dans ce beau moment la gloire de Sa nation et le salut de l'Europe: je vois dêjà d'ici ma malheureuse patrie délivrée"...

—„Soyez exaucé, cher Colonel, allez vous reposer et preparez vous à partir".

Voilà, mon cher Danileffsky, des traits qui caractérisent la force d'âme de notre Auguste Maître: les évènemens ont prouvé qu'Il a tenu parole. Vous avouerez après tout ce que vous venez de lire que tous ceux qui ont singé Napoléon dans le jugement qu'ils ont porté du caractère de l'Empereur Aléxandre, se sont terriblement trompé; apparément ils se seraient endormis comme le héros

Corse sur les cendres de Moscou s'ils avaient été à sa place et dans la conviction comme lui que l'Empereur allait offrir la paix après avoir perdu Son ancienne Capitale. Mais, cher Colonel, je vous connais si dévoué à notre bon Maître que je veux encore vous faire connaître quelques traits qui vous feront juger que s'Il aime avec enthousiasme la gloir de Sa patrie, Il sait aussi apprécier avec sensibilité la vie de Ses sujets.

Vous vous rappelez sans doute que ce fut encore moi qui Lui apporta la nouvelle que par la victoire de Taroutina nous avions commencé à notre tour la guerre offensive. Apres avoir rendu compte à Sa Majesté des resultats de la bataille, je Lui demandais la permission de Lui faire connaître les voeux de l'Armée.

—„Qu'avez vous à me dire, Colonel?— me dit Il.

—„Sir—Lui dis-je—la victoire que nous venons de remporter, l'état de Votre armée, son esprit, son dévouement pour Vous, les renforts qui lui arrivent journellement de toutes parts, la position de l'ennemi, les ordres que Votre Majesté a envoyé au Maréchal pour lui rendre la retraite pénible et difficille, les mesures qu'on a pris pour le détruire,—ne laissent aucun doute qu'il va être chassé de la Russie, victime de son audace. Tous nos braves

ne voyent dans l'avenir que des lauriers à cueuillir; mais aucun n'ignore que nous les devons tous aux soins, aux peines que V. M. s'est donnée, aux voyages qu'Elle a fait pour les préparer; ils savent, Sir, tout ce que Votre coeur doit avoir souffert jusqu'ici; ils désirent, ils Vous demandent en grâce d'aller prendre le commandement de l'Armée, d'aller Vous rendre témoin de leur dévouement. Cedez, Sir, aux voeux d'une armée qui Vous adore et que Votre présence va rendre invicible!"

Voyez, cher Danileffsky, la réponse de l'ange que nous avons le bonheur de servir.

—„Colonel,—me dit-Il d'un air de satisfaction le plus gracieux possible—tous les hommes ont généralement de l'amour-propre; Je vous avouerai ingénuement que J'en ai aussi ma dose; si dans ce moment Je l'écoutais seul, Je Me mettrais dans ma calèche et J'arriverais avec vous à l'Armée. Je vois et Je ne doute pas que par la triste situation dans laquelle nous avons placé nos ennemis, par la bonne disposition de l'Armée, par les ressources immences qui Me sont offertes du coeur de Mes bons sujets, par les nombreuses reserves que J'ai préparé, par les ordres que J'ai envoyés à l'Armée de Valachie,— Je vois à n'en plus douter que toutes les chances sont pour nous et que, comme vous dites, il n'y a que des lauriers à

cueuillir; Je sais que si J'étais à l'Armée, la gloire M'en reviendrait et que J'aurais un nom dans l'histoire; mais quand Je réfléchis au peu d'expérience que J'ai dans l'art de la guerre en comparaison de la longue pratique de Mes ennemis, et que Je pense que malgré toute Ma bonne volonté Je pourrais commettre quelque faute qui pourrait faire verser mal-à-propos le sang trop précieux à Mon cœur de mes chers enfants—alors, Michaud, malgré l'éguillon de l'amour—propre, Je sacrifie volontiers au bonheur de Mes soldats la gloire que la renommée M'accorderait par les resultats de la campagne et laisse cueuillir les lauriers à qui les mérite mieux que Moi. Allez, Colonel, félecitez le Maréchal, dites lui qu'il chasse l'ennemi de Ma patrie et J'irai moi-même à sa rencontre pour l'amener en triomphe dans Ma Capitale"...

Voilà, cher Danileffsky, ce qui s'appelle regner par le cœur! Espérons que le Ciel qui l'a crée pour le bonheur de l'humanité nous Le conservera pour longtemps.

Agréez, cher Colonel, les sentiments de la haute considération avec lequels je serai toute ma vie

votre dévoué et trés humble serviteur
(signé) le comte Michaud
Général-Aide-de camp.

St. Pétersbourg, le 30 Juillet 1819.

Письмо генералъ-адъютанта графа Мишо флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому, 30-го іюля 1819 года *).

Любезный полковникъ. Послѣ разговора, который я имѣлъ съ вами въ прошлый вечеръ о событіяхъ отечественной войны, мнѣ кажется, что вамъ будетъ пріятно узнать подробности относительно нѣкоторыхъ приказаній, которыя я имѣлъ честь получить отъ нашего Всемилостивѣйшаго Государя въ началѣ кампаніи 1812 года, а также о нѣкоторыхъ небольшихъ бесѣдахъ, которыми Его Величеству угодно было почтить меня недѣлю спустя послѣ оставленія Москвы и по полученіи имъ затѣмъ извѣстій о Тарутинской побѣдѣ. Бесѣды эти должны принадлежать исторіи, ибо въ нихъ сказался характеръ, величіе души и доброта сердца этого Монарха, личность котораго была такъ плохо оцѣнена тѣми, кто считалъ его способнымъ заключить миръ послѣ потери Москвы.

На другой день послѣ оставленія укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ, Его Величество отправилъ меня, вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Чернышевымъ, для избранія позицій, имѣющихъ цѣлью прикрытіе Москвы укрѣпленными лагерями съ сильными про-

*) (Переводъ).

филями и могущими въ то же время служить складочными пунктами для военныхъ припасовъ, артиллеріи, а также средоточіемъ рекрутъ, которые, защищая ихъ въ случаѣ надобности, могли бы въ то же время найти въ нихъ центры для обученія и укрѣпленныя позиціи на случай сраженія. Въ то же время Государю угодно было заявить мнѣ, что, въ случаѣ недостаточности времени для возведенія этихъ укрѣпленій для защиты Москвы, онъ отправитъ меня на Волгу и даже далѣе, если это будетъ необходимо, „ибо"—прибавилъ онъ—„если судьбѣ угодно будетъ испытать мою твердость,—у меня еще не исчерпаны всѣ способы и я владѣю еще достаточной территоріей, чтобы далеко завлечь непріятеля".

Прибывъ въ Москву и полагая, что, въ виду успѣховъ непріятеля, не хватитъ уже времени для окончанія предположенныхъ укрѣпленій, на устройство которыхъ потребовалось бы отъ 4 до 5 мѣсяцевъ, Его Величество приказалъ мнѣ отправиться на Волгу для устройства укрѣпленныхъ лагерей въ защиту Нижняго и Казани, гдѣ находился значительный арсеналъ и помѣщенія для 100 тысячъ рекрутъ, формировавшихся подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Толстого. Благодаря этому глав-

ная армія могла бы дѣйствовать по той операціонной линіи, которая наиболѣе подходила бы къ обстоятельствамъ, не опасаясь вторженія непріятеля въ область Волги. Флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ, который получилъ повелѣніе сопровождать Государя въ Финляндію, былъ замѣненъ свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части полковникомъ Кикинымъ, который, вручивъ мнѣ Высочайшія повелѣнія, отправился вмѣстѣ со мною. Совершивъ съ нимъ рекогносцировку всей мѣстности и посѣтивъ берега Волги и Оки, я отправился вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ, для врученія моего рапорта Государю, который въ этотъ день возвратился изъ Або. Его Величество изволилъ приказать мнѣ немедленно ѣхать въ армію и сообщить о результатахъ рекогносцировки фельдмаршалу, черезъ котораго онъ обѣщалъ мнѣ дать знать о дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ.

Такимъ образомъ, любезный полковникъ, изъ всего сказаннаго вы можете заключить, что уже въ то время намѣренія нашего Августѣйшаго Монарха были направлены къ тому, чтобы пожертвовать всѣмъ ради славы и счастья его подданныхъ, и были далеки отъ мысли о переговорахъ съ непріятелемъ,

который безпощадно разорялъ его владѣнія (въ качествѣ народа цивилизованнаго на французскій ладъ). Но я дамъ вамъ еще болѣе убѣдительныя доказательства.

Вамъ, конечно, извѣстно, что на третій день по прибытіи моемъ въ главную квартиру, фельдмаршалъ Кутузовъ отправилъ меня въ Петербургъ для сообщенія Государю извѣстія объ оставленіи Москвы, пламя которой освѣщало мой путь до самаго Владиміра. Едва ли у какого-либо путешественника сердце было болѣе удручено, чѣмъ мое въ эти тяжелыя минуты. Русскій душою, хотя и иностранецъ по происхожденію, я ѣхалъ съ печальнѣйшею вѣстью къ лучшему изъ государей, среди страны съ населеніемъ болѣе нежели полмилліона жителей всѣхъ сословій, которые бѣжали, захвативъ съ собою только стариковъ, женщинъ и дѣтей, съ чувствомъ любви къ своему Государю и надеждой отмстить за оскорбленное отечество. Подъ вліяніемъ грустныхъ впечатлѣній при видѣ разоренія края и радостныхъ чувствъ, вызванныхъ подъемомъ народнаго духа, я 8-го сентября 1812 года прибылъ въ столицу, удрученный при мысли явиться вѣстникомъ столь печальныхъ извѣстій.

Я былъ немедленно введенъ въ каби-

нетъ Государя. Увидѣвъ, вѣроятно, по грустному лицу моему, что я не пріѣхалъ съ утѣшительными вѣстями, Государь сказалъ: — „Вы, вѣроятно, привезли печальныя вѣсти, полковникъ?“— „Къ несчастію весьма печальныя, — отвѣтилъ я, — Москва нами оставлена“...—„Какъ! Развѣ мы проиграли сраженіе, или мою древнюю столицу отдали безъ боя?“—„Государь,—возразилъ я, —окрестности Москвы не представляютъ, къ сожалѣнію, выгодной позиціи для сраженія съ слабѣйшими противъ непріятеля силами, и потому фельдмаршалъ Кутузовъ былъ увѣренъ, что избралъ спасительную мѣру, сохранивъ Вашему Величеству армію, гибель которой не могла бы спасти Москвы, но имѣла бы самыя пагубныя послѣдствія. Теперь же армія, получивъ всѣ назначенныя ей Вашимъ Величествомъ подкрѣпленія, которыя я всюду встрѣчалъ по дорогѣ, будетъ имѣть возможность начать наступательныя дѣйствія и заставитъ раскаяться непріятеля, дерзнувшаго проникнуть въ сердце Вашей Имперіи“. — „Вступилъ ли непріятель въ Москву?“—„Да, Государь, и въ эту минуту она уже превращена въ пепелъ. Я оставилъ ее объятую пламенемъ“.

При этихъ словахъ слезы полились изъ глазъ Монарха и затмили ихъ.—

„Боже мой, сколько несчастій!—сказалъ онъ,—„какія печальныя вѣсти вы мнѣ сообщаете, полковникъ!“

— „Не огорчайтесь слишкомъ, Государь,—повторилъ я, смущенный горестнымъ его видомъ,—армія ваша ежедневно увеличивается“...

— „По всему вижу я,—перебилъ меня Государь,—что Провидѣніе ожидаетъ отъ насъ великихъ жертвъ, въ особенности же отъ меня и я готовъ покориться Его волѣ. Но скажите мнѣ, Мишо, въ какомъ настроеніи оставили вы армію, когда она узнала, что моя древняя столица оставлена безъ выстрѣла? Не подѣйствовало ли это на духъ войскъ? Не замѣтили ли вы въ солдатахъ упадка мужества?“

— „Государь,—отвѣчалъ я,—позвольте мнѣ говорить съ Вами откровенно, какъ честному солдату..“

— „Я это всегда требую, полковникъ,—возразилъ Государь,—но теперь я особенно прошу васъ не скрывать отъ меня ничего и сказать мнѣ всю правду...“

— „Государь, сердце мое обливается кровью, но я долженъ признаться, что оставилъ армію, начиная отъ главнокомандующаго и до послѣдняго солдата —въ неописанномъ страхѣ...“

— „Что вы говорите, Мишо! Отчего

происходитъ этотъ страхъ? Неужели Мои Русскіе сокрушены несчастіемъ?“

— „О, нѣтъ, Государь, они только боятся, чтобы Ваше Величество, по добротѣ Вашего сердца, не заключили мира; сами они горятъ желаніемъ сразиться и доказать Вамъ своею храбростью и пожертвованіемъ жизни—сколь они Вамъ преданы.“

— „Полковникъ, вы облегчили мое сердце!“—Затѣмъ, ударивъ меня рукою по плечу, онъ продолжалъ:—„Вы успокоили меня. Возвращайтесь же въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ, скажите моимъ вѣрноподданнымъ всюду, гдѣ вы будете проѣзжать, что если у меня не останется ни одного солдата, то я самъ стану во главѣ любезнаго мнѣ дворянства и добрыхъ моихъ крестьянъ, буду самъ предводительствовать ими и испытаю всѣ средства моей Имперіи! Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но если Божественнымъ Промысломъ предназначено Роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то испытавъ всѣ средства, которыя будутъ въ моей власти, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь свою) и лучше соглашусь питаться злаками въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего

Отечества и моихъ добрыхъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить! Провидѣніе испытываетъ насъ, будемъ надѣяться, что оно насъ не оставитъ".

Послѣ этихъ словъ Государь пошелъ въ глубь кабинета и, возвращаясь назадъ большими шагами, сталъ ходить по комнатѣ. Лицо его пламенѣло. Онъ крѣпко сжалъ мою руку и сказалъ:—„Полковникъ Мишо, запомните то, что я теперь скажу вамъ: быть можетъ настанетъ время, когда мы вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ: Наполеонъ или Я, онъ или Я,—но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ. Я узналъ его: онъ болѣе Меня не обманетъ".

Трудно мнѣ выразить вамъ, любезный Данилевскій, каково было состояніе моего духа при видѣ огня, блиставшаго въ глазахъ Государя и при мысли о радостномъ извѣстіи, которое я принесу арміи. Нѣтъ сомнѣнія, что это было одно изъ самыхъ могущественныхъ подкрѣпленій, которое Государь посылалъ ей для поддержанія ея мужества. Подъ этимъ впечатлѣніемъ и въ сердечномъ восхищеніи отъ всего слышаннаго, я и отвѣчалъ Александру: — „Государь, въ эту прекрасную минуту Ваше Величество подписываете славу Вашего народа и спасеніе Европы. Я уже вижу свое отечество освобожденнымъ".—„Да испол-

нится ваше предсказаніе, дорогой полковникъ. Подите отдыхать и будьте готовы возвратиться въ армію“.

Таковы, любезный полковникъ, черты, указывающія на величіе души нашего Августѣйшаго Повелителя. Дальнѣйшія событія доказали, что Александръ сдержалъ свое слово. Вы несомнѣнно согласитесь послѣ всего вышеизложеннаго, что всѣ, подражавшіе Наполеону въ оцѣнкѣ характера Александра—страшно ошиблись; слѣдуя примѣру корсиканскаго героя, они, вѣроятно, заснули бы на пепелищѣ Москвы, если бы находились на его мѣстѣ и были бы, подобно Наполеону, увѣрены, что Государь нашъ будетъ просить мира послѣ потери своей древней столицы.

Зная, дорогой полковникъ, вашу преданность нашему доброму Государю, я хочу указать вамъ еще нѣсколько чертъ, которыя свидѣтельствуютъ о добротѣ его великодушнаго сердца и доказываютъ, что если Александръ пламенно любитъ славу своего Отечества, то не менѣе того умѣетъ онъ оцѣнить чувствительнымъ своимъ сердцемъ жизнь своихъ подданныхъ. Вы, вѣроятно, помните, что на меня же возложено было порученіе извѣстить Государя о Тарутинской побѣдѣ и о начатіи нами наступательныхъ дѣйствій противъ непріятеля. Отдавъ

Государю отчетъ о результатахъ сраженія, я просилъ позволенія доложить Его Величеству о желаніи арміи.

— „Что скажете вы мнѣ, полковникъ?“—спросилъ Императоръ.

— „Государь, отвѣчалъ я—одержанная нами побѣда, прекрасное состояніе Вашей арміи, оживляющій ее духъ, преданность къ особѣ Вашей, прибывающія къ ней отовсюду подкрѣпленія, бѣдственное положеніе непріятеля; присланныя Вашимъ Величествомъ на имя фельдмаршала повелѣнія для затрудненія ему отступленія, наконецъ, принятыя уже мѣры для его истребленія—все подаетъ несомнѣнную надежду, что онъ будетъ изгнанъ изъ Россіи, ставъ жертвой своей наглости. Все наше храброе войско видитъ въ будущемъ одни лишь побѣдные лавры, но всѣ знаютъ также, что всѣмъ этимъ мы обязаны заботамъ и трудамъ Вашимъ, Государь, тѣмъ поѣздкамъ, которыя Вы предприняли для подготовленія этихъ успѣховъ; войска знаютъ, Государь, все то, что должно было испытать Ваше сердце и потому они желаютъ и просятъ теперь какъ милости —лично принять начальство надъ арміей и сдѣлаться свидѣтелемъ ихъ преданности. Внемлите, Государь, голосу арміи, которая Васъ обожаетъ и которую Ваше присутствіе сдѣлаетъ непобѣдимою“.

Послушайте теперь, любезный Данилевскій, отвѣтъ того Ангела, которому мы имѣемъ счастіе служить.

— „Полковникъ,—сказалъ онъ мнѣ съ видимымъ удовольствіемъ,—всѣ люди честолюбивы; признаюсь вамъ откровенно, что и я не менѣе другихъ—и если бы въ данную минуту я внималъ только этому чувству, то я сѣлъ бы съ вами въ коляску и отправился въ армію. Я вижу и не сомнѣваюсь, что благодаря невыгодному положенію, въ которое мы вовлекли непріятеля, благодаря отличному духу арміи, благодаря неисчерпаемымъ источникамъ, доставленнымъ пожертвованіями моихъ добрыхъ подданныхъ, благодаря приготовленнымъ мною многочисленнымъ запаснымъ войскамъ и посланнымъ мною въ дунайскую армію распоряженіямъ—побѣда для насъ несомнѣнна и что остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если я буду при арміи, то вся слава отнесется ко мнѣ и что я займу мѣсто въ исторіи. Но когда я подумаю, какъ мало опытенъ я въ военномъ искусствѣ, по сравненію съ моимъ противникомъ, и что, несмотря на всю добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, благодаря которой прольется драгоцѣнная кровь моихъ дѣтей, то, не взирая на мое самолюбіе, охотно жертвую этою славою для благополучія

армiи. Пусть пожниаетъ лавры тотъ, кто болѣе меня достоинъ ихъ. Возвратитесь же, полковникъ, къ фельдмаршалу, поздравьте его съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ изгналъ непрiятеля изъ Россiи: тогда я самъ поѣду ему на встрѣчу, чтобы съ трiумфомъ привести его въ мою столицу“.

Вотъ, любезный Данилевскiй, что называется царствовать согласно велѣнiямъ сердца. Будемъ же надѣяться, что Небо, создавшее Александра для счастiя человѣчества, сохранитъ намъ Его еще надолго.

Примите, любезный полковникъ, выраженiе чувствъ уваженiя, съ которымъ пребуду всю мою жизнь

Вашимъ покорнымъ слугой

Графъ Мишо.

Петербургъ.
30-го iюля 1819 г.

(Отд. оттискъ изъ № 81 „Веч. Приб.“ къ „Прав. Вѣстнику“).